

An abstract painting with a textured, expressive style. The background is a mix of dark greens, yellows, and browns. In the center, a dark, shadowy figure of a person stands, looking towards the viewer. The overall mood is somber and contemplative.

Георгий Костин

Прозаическая

ТРИАДА

16+

Георгий Костин

Прозаическая триада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53853479

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06530-7

Аннотация

Жить в благодном мире – невелика доблесть. Да и где она, эта благодть, в несовершенном мире? Нет её в нем. Но она есть – в человеке. Однако не в каждом, а только в том, кто может жить, и живет **ВОПРЕКИ** неблагоприятным обстоятельствам. Кто, проходя сверхсложные, а порою и вовсе фантастические испытания, остается быть Человеком с большой буквы. Именно такие люди творят своим индивидуальным и внешне никак не заметным жизненным подвигом истинную человеческую природу, приближая её к природе божественной. О таких людях и будет вестись речь в этой книге.

Содержание

Сделай мне пароход	6
1	6
2	7
3	10
4	12
5	13
6	16
7	17
8	20
9	22
10	24
Антитезис (как не должно быть)	28
Сикритинавтический триптих с прологом и эпилогом	28
Пролог: чудное место	28
Триптих: интеллигентное неприятие блокадного существования	42
1 посвящение в Доме С	42
1	42
2	45
3	48
4	52
5	57

6

63

7

68

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Тезис (как есть)

Соприкосновение с обратной стороной жизни

Сделай мне пароход (рассказ земснарядчика, записанный Сергеем Ковиным)

1

У нас семь дней жили три женщины. У одной дети: мальчик лет четырех и девочка – чуть больше двух годиков. Хотя бригадир упросил нас приютить лишь одну женщину. Ту, что с детьми.

– Не складывается у неё жизнь. – Сказал он. – Ушла от мужа. Жить негде. Она – ладно. Детей жалко. Пусть пару дней поживет в вагончике, пока не устроится куда-нибудь.

Но вместе с той, у которой дети, пришли и две женщины: длинная, грубоватая на язык и внешность, и толстушка лет восемнадцати.

Мы пустили всех. Предоставили им в распоряжение спальный вагончик, теплый, обжитой. Сами решили пожить в другом, списанном, где у нас кухня.

Мы и встретили их, как полагается – хорошим обедом. Но сидели вместе недолго. Дядя Леша, напарник, когда они, поев, оживились и, не стесняясь нас, стали курить и материть-

ся, нахмурился и ушел, сказав, что ему надо на вахту. Да и я, их сверстник, и, можно сказать, сам воспитанный улицей, тоже тогда пришел в оторопь, углядев на левой руке той, у которой дети, нелепую для женщины наколку «Не забуду мать родную».

Но еще больше поразил меня пацаненок, сынишка этой женщины. Быстро и жадно съев, что ему дали, он осовело оглядел стол, зевнул и потер кулачками глаза. Потом дернул мать за рукав и по-детски унижающе просительно указал взглядом на папиросы. Та, продолжая материться, автоматически высыпала папиросы на стол, а освободившуюся пачку отдала.

Бережно взяв её в обе руки и не отрывая от неё загоревшегося радостью взгляда, мальчик бочком сполз со скамьи на пол. Не вставая с четверенек, отодвинулся от стола к телевизору и, перестав что-либо вокруг себя замечать, торопливо достал из карманов тесных коротких брючек два помятых пустых спичечных коробка. Посопев, сцепил их провололочкой с пустой половинкой пачки из-под папирос в паровозик. И стал увлеченно возить его по комнате, издавая звуки, похожие на стук паровозных колес.

2

Остолбенело понаблюдав за ним, я почувствовал себя

нехорошо, и мне так же, как дяде Леше захотелось быстро отсюда уйти. Но сделать этого без повода было неприлично. И я неожиданно для себя предложил мальчугану

– А пойдем ко мне, я тебе пароход сделаю.

Однако голос мой отчего-то прозвучал не как у нормальных людей, а – низко, глухо. Да еще я закашлялся. Мальчик, услышав меня, приостановился, затих. Затем настороженно быстро поднял глаза. А когда понял, что я обращаюсь именно к нему, в испуге нахохлился. И, опустившись ягодичками на пятки, прикрыл ладонями пустые коробки. Мне такая его реакция показалась смешной. Я, развеселившись, взбодрился, и сковавшее было меня оцепенение прошло.

Когда же мальчик вновь и с усилившимся испугом в глазах посмотрел на меня, я улыбнулся ему довольно-таки раскованно и приветливо. Он, не отрывая теперь от меня замороженного взгляда, собрался привычно скривиться в плаксивой беззвучной гримасе. Но потом вдруг тоже разулыбался и бурно обрадовался. Резво вскочил с пола, смело подошел ко мне и уверенно вложил мягкую теплую ладошку в мою ладонь. Я её слегка сжал и он как-то весь торжественно засветился изнутри. И уже сам разволновавшимся не по-детски голосом поторопил меня:

– Так, пошли тогда, что ли.

Идти нам надо было из одного вагончика в другой: метров десять. Но пока мы шли, не разъединяя рук, ладонь его успела вспотеть.

Я сделал ему пароход из большого газетного листа. Приняв от меня бумажную игрушку, он от изумления и распирающей его радости вновь перестал что-либо видеть вокруг себя. Держа непослушными полусогнутыми руками перед сияющим лицом бумажный пароход, осторожно, как если бы держал в руках тарелку с водой, опустился на колени. Согнувшись в спине, бережно, словно совершая какое-то таинство, уложил локти на кошму, и только после этого разъединил руки.

Выпрямившись и не отрывая от пароходика взгляда, мальчик судорожно вздохнул и затих, переводя дух. Потом тихо, как если бы пробно, но почти точно как пароход загудел. Осторожно толкнул газетную игрушку вперед, загудев теперь увереннее и громче. И, наконец, ровно заурчав, будто работающий двигатель, плавно «поплыл» вокруг стола, время от времени останавливаясь, и завывая насколько хватало голоса. Протяжно, тоскливо и задушевно, как это во всем нашем свете умеют делать лишь пароходные гудки.

Вскоре эти его самозабвенные завывания приманили в наш вагончик и девочку. Возникнув в дверном проеме, она, покачиваясь на нетвердых ножках, просительно молча стала на меня смотреть. Я засмеялся и жестом пригласил её войти. Ловко перебравшись через высокий для неё порог, она напрямиком, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, протопала мимо меня к брату и тяжело плюхнулась на кошму рядом с ним.

Не обратив на сестру внимания, мальчик дернул за воображаемый шнур, завыл и, что-то про себя пробормотав, «поплыл» дальше. Девочка, оставшись одна, обиженно скривила губки, заморгала и стала выщипывать шерстинки из кошмы. А когда брат, сделав оборот вокруг стола, снова оказался рядом с нею, резко выкинула ручонки, схватила пароход и помяла его. Мальчик обомлел и замер. Не умея продохнуть застрявший в горле воздух, он лишь растерянно шевелил растопыренными пальчиками, медленно широко раскрывая для плача рот.

Я засмеялся, и хотел было сказать, что сделаю ему новый пароход, но он уже заревел во весь голос. И развернувшись, со всей силы ударил кулачком сестру по лицу – та тоже зашлась в громком плаче. Тогда я на них прикрикнул, и они как по команде перестали плакать, испуганно уставившись на меня. Я улыбнулся и сказал им, что сделаю два парохода: ему и ей.

3

Стоя рядышком у столика и наблюдая, как я, сминая и сдавливая газетные листы, делал из них игрушки, дети молчали и одинаково, почти в унисон участливо шумно сопели. Одинаково они обрадовались и когда я, стараясь сделать это торжественно, дал им по пароходику. Но, разыгравшись,

вскоре перестали быть так душевно схожими. Мальчик, он как опять забылся и стал ползать вокруг стола, так и проползал до позднего вечера, пока его не позвали спать. И девочка поначалу, пристроившись за ним, не отставала от него: так же старательно урчала и выла, как он.

Но потом ей, видимо, надоело играть в мальчишечью игру. Она отползла в сторону и, подняв паровозик, поднесла его к лицу. Недоверчиво оглядела со всех сторон. И вдруг, содрогнувшись, нервно скомкала бумажную игрушку. Неприязненно обеими руками отбросила образовавшийся газетный комок от себя. Ненадолго замерла, капризно надув щечки и слегка набычившись. Затем, решительно вскинув головку, угрожающе широко замахнулась на брата. Но не ударила, когда он, сделав очередной круг, остановился возле неё и дразняще красиво «загудел», а сердито встрепенулась и поднялась. С забавным для её лет женским кокетством одернула платице и криволапо, не оглядываясь, засемила к выходной двери. Не останавливаясь, ловко перевалилась через высокий порог и с моих глаз исчезла. Больше ко мне в вагончик она играть ни разу не приходила.

А вот мальчик, наоборот – разве что только ночевал вместе с матерью, а днем, с раннего утра и до позднего вечера, когда приходила моя очередь заступать на вахту, проводил время у меня. В первые дни я с удовольствием привечал его и ему радовался. У меня ведь у самого сынишка такого же возраста, по которому я, не бывая дома из-за особенностей

моей работы неделями, а то и по целому месяцу, успевал соскучиться. Поэтому возился с чужим ребенком, как если бы – с собственным. Поил его несколько раз на дню чаем со сгущенкой, давал посыпанные сахаром горбушки хлеба. А когда изнашивались бумажные кораблики, с которыми он, не уставая, ползал по кухонной кошме, тут же делал новые.

4

Я и на четвертый день с утра был еще с ним вполне приветлив. Но днем пришли на кухню готовить обед загостившиеся у нас женщины, и настроение у меня испортилось. Потому как они, матерясь и ведя между собой обычный похабный разговор, не обращая внимания на ползающего тут же на полу мальчика, не видом, ни голосом не показывали мне, что собираются скоро от нас уходить. И когда мальчик, заездив очередной парходик, при них попросил у меня сделать ему новый, я хмуро и отрывисто ответил, что кончились газеты, хотя что-то, а газеты у меня были...

Женщины не ушли от нас и на пятый день. А на шестой вечером привели (и где они только их нашли здесь) двух пожилых забулдыг, и пропьянствовали с ними всю ночь. Утром, собираясь заступать на вахту, дядя Леша обнаружил, что продукты, выданные нам на две недели, кончились, выругался и в сердцах накричал на меня:

– Довольно! Сегодня же прогони их отсюда!

Оставшись без завтрака, я на женщин рассердился тоже. Но прогонять сразу не стал, а решил с утра съездить на мотоцикле в город и на свои деньги подкупить продуктов: чаю, сахару, хлеба. Вернувшись, стал караулить, когда кто из женщин выйдет из вагончика. Ждал довольно долго. Видимо, все они отсыпались после ночной пьянки. Только где-то в четвертом часу, наконец, вышла длинная и то, возможно, по нужде, потому как была сонная и опухшая. Но я, тем не менее, её окликнул и, чувствуя себя неловко и в то же время, сильно возмущаясь и волнуясь, выговорил ей, что продукты у нас кончились. И что, мол, пора им честь знать, так как договаривались мы с бригадиром пустить их пожить у нас всего на два дня...

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и с похмелья непосредственно и запанибратски держась за низ живота, длинная слушала меня рассеянно. Но когда поняла, что я от неё хочу, пренебрежительно хмыкнула, задумчиво пошевелила губами и, обдав тяжелым неженским перегаром, перебила:

– Ладно, глуши. Завтра все уйдем.

5

Услышав от неё такое конкретное обещание, я отступил-

ся. Хотя и не почувствовал себя удовлетворенным, не поверив в то, что они уйдут завтра, потому как уходить им было некуда. Живя у нас, они так и не нашли, да и, похоже, не искали себе работу, где могли бы на первых порах устроиться жить в общежитии. Да и испортившаяся в последние дни погода не благоприятствовала уходу: то был долгий дождь, то ветер. А за последнюю ночь похолодало так, что замерзла вода в умывальнике во дворе у летнего обеденного стола...

Однако утром, проснувшись и первым делом почему-то выглянув в окно, я увидел всех: детей и женщин – молчаливо толпящимися между вагончиками под навесом. Одежда на них была та же, в которой они пришли к нам, то есть полетному легкой, а потому не защищала от холода. Длинная, хмурая и сосредоточенная, прогнувшись в плоской спине, держала ладони подмышками и слегка пританцовывала. Та, которая мать, тесно прижимала к себе обеими руками, покрытыми пупырышками, сжавшуюся у неё на груди девочку с отрешенным выражением лица, грея её о себя и греясь об неё сама. Мальчик, в коротких брючках и рубашке без рукавов, в независимой позе стоял рядом, держа руки в карманах и безропотно дрожа задранными острыми плечиками...

Не было среди них только толстушки, а они её, наверное, ожидали. Потому что, когда та, наконец, вышла из-за угла, улыбающаяся и краснощекая от морозца, поправляя на ходу трусы под платьем, все молча тронулись с места. И я, вдруг расстроено взволновавшись оттого, что они уходят,

не попрощавшись, быстро по-армейски надел брюки, куртку, всунул босые ступни в стоптанные старые полуботинки. Шумным ударом толкнув от себя дверь, перешагнул через неудобно высокий порог.

На шум ржаво открывшейся двери разом обернулись все. «Адю!» – Дурашливо крикнула длинная и энергично потрясла над головой сцепленными в рукопожатие ладонями. Остальные женщины молча скользнули по мне отрешенно-равнодушными взглядами и, отвернувшись, ускорили шаг. Лишь мальчик явно обрадовался моему появлению. Он выпустил из кулачка материнскую юбку и, спотыкаясь, торопливо побежал ко мне, что я даже подумал, что он бросится мне на шею. Но он не добежал до меня трех метров, перешел на шаг и по-взрослому протянул руку для прощания. Я, растроганный, пылко сжал её.

Тогда мальчик подошел ко мне вплотную. И как-то по интимному притихнув, постоял, не шевелясь, со мной еще некоторое время. Но потом вдруг, забеспокоившись, стал короткими рывками выдергивать свою руку из моей, ставшей непослушной. Выдернув, он бросил на меня полный то ли отчаяния, то ли какого-то нервного упрека быстрый взгляд. И не задерживаясь больше, бросился догонять мать, спускающуюся узкой крутой тропой к каналу.

Глядя ему вслед, я непроизвольно поднял для прощания руку и, слегка подрагивая пальцами, подождал, когда он обернется. Но впопыхах, или по какому-нибудь специально-

му умыслу мальчик ни разу не обернулся. И когда, спустившись, тоже исчез с моих глаз, мне сделалось на душе больно, пусто и муторно.

6

Весь тот день я провел в непривычном странном: одновременно полуподавленном, полувзвинченном – настроении. Не желая ничего делать и даже выходить из вагончика, я, пока не пришел мой черед заступать на вахту, понуро ходил, скрипя старыми половыми досками, взад и вперед. А когда надоедало ходить – лежал одетым на незаправленной кровати, безучастно разглядывая обшарпанные стены и потолок, и думал.

Вернее, мысли, они сами по себе, высекая одна другую, появлялись в моем сознании. Я лишь – как-то уж чересчур прилежно сопереживал тому, что мне думалось. В душе моей тоже что-то было не так, что-то было все же воспалено в ней. То ли чувство вины, то ли жалости, то ли, возможно, и оба сразу эти два чувства сострадания, мучая, болели. То ли что-то и вовсе мне непонятное... Потому как я, начав думать, правда, сразу же как-то безысходно и жалостливо об одном мальчике, которому делал бумажные пароходы, к вечеру додумался аж до того, что стал считать, что все рождающиеся дети – заведомо бесправны.

Бесправны, потому что они, когда формируются как личности, вынуждены строить себя по образу и подобию своих родителей. Ни с кем из других взрослых у них нету же постоянного душевного контакта. А среди родителей встречаются ведь такие, что было бы лучше без исключения всем, если таких родителей вообще не было на свете. Действительно, разве справедливо, что родившимся детям, ничем не провинившимся и не сделавшим ничего выдающегося – воздается по жизни не одинаково. Тем, кому повезло с родителями – бывает и ласка, и воспитание, и душевная поддержка на долгие годы. А тем, кому не повезло – ничего этого нет...

Находить хоть какие-нибудь приемлемые ответы на такие вопросы мне не хватало ни ума, ни духа. И, наверное, поэтому все последующие дни у меня продолжала сильно болеть душа. Особенно мучительно – когда ложился спать. И в моменты, когда, оказавшись не у дел, оставался с собою наедине. Что даже стало казаться, будто эта мучительная, а временами – кинжально острая душевная боль уже никогда меня не отпустит.

7

Но за два дня до окончания смены в первой половине дня к нам по пути из города заехал знакомый парень, который работал на соседнем земснаряде. Парень был с продуктами,

но картошки ни в ларьках, ни на базаре найти не смог – и попросил нас поделиться. Выглядел он утомленным и осунувшимся. Хихикая, пояснил, что третьего дня он уже закупал продукты, но они кончились, потому как помимо трех женщин, которые жили у нас и теперь живут у них, к ним каждый вечер съезжаются гости.

В его словах мне не почувствовалось упрека или подковерки. Но все же я отчего-то болезненно устыдился, вспомнив, как прогонял этих женщин, зная, что им негде будет жить. А со стыда засуетившись, как бы великодушно предложил парню забрать у нас всю оставшуюся картошку и помог переложить её из ящика, где она хранилась, ему в сумку. Но потом, оправившись, сам полу с подковыркой, полу с сочувствием спросил у него: и какво им с такими женщинами?

Задав такой вопрос, я рассчитывал, что словоохотливый парень подробно мне все расскажет. Но он лишь молча надул щеки и, выдувая с натугой воздух, закатил вверх глаза. После чего утомленно помолчал, отведя от меня взгляд, и стал прощаться. А когда уехал, у меня в растревоженной душе вновь образовалась звенящая муторная пустота. Я снова, как в прошлый раз, целый день из-за неё промаялся без дела. А, в конце концов, когда стемнело, и во мне вдруг что-то словно взорвалось, решил немедленно съездить к соседям и воочию посмотреть как они там...

Не зная для чего мне это надо и о чем, приехав, буду говорить, разгорячено переоделся в выходные брюки и куртку.

Пока переодевался, думал лишь о том, что в любом случае вернусь до окончания дядьлешинной вахты, а посему можно и не говорить ему, что уезжаю. Эти мысли еще сильнее заставляли меня торопиться. И я в какие-нибудь три-четыре минуты так себя распалил, что, когда завел мотоцикл и, включив фару, с ревом рванулся с места, мне показалось, что помчался не по земле, а по воздуху. Хотя дорога местами была прямо-таки рискованно узкой, а местами – через камыши в болотце.

Тем не менее, доехал благополучно, да еще в пути сумел для себя обставить это дело так, будто еду ни просто в гости. А – чтобы предложить женщинам помощь в устройстве их на работу, где дают общежитие. И вот когда во мне пробилось желание помочь им, я от охватившего меня восторженного облегчения даже запел во все свои расправившиеся легкие. Приехав, без каких-либо уже колебаний и задержек обтер забрызганные дорожной грязью полуботинки. Сразу же уверенно пошел к вагончику, в котором в одной из комнат ярко светились занавешенные газетами окна.

Войдя без стука, как это принято у нас, земснарядчиков, в прихожую и учуяв солярный запах вперемежку с застоявшимся духом дешевого крепленого вина, я, неприязненно сморщившись, замешкался. В сердцах ругнул себя за то, что упустил из виду предположить, что женщины могут оказаться пьяными. И вести с ними серьезный разговор о том, как им жить дальше, будет бесполезно. Но в нерешительности

постояв и не услышав возбужденных пьяных голосов, а только – негромкую музыку, шагнул-таки к дверному проему, из которого широким лучом вырывался яркий электрический свет. И остолбенел...

В середине комнаты прямо под слепящей двухсотпятидесятиватной лампочкой без плафона и абажура под энергичную восточную музыку танцевали, тесно обнявшись, медленное танго совершенно голая, словно в бане, толстуха и незнакомый мне парень, азербайджанец, или чеченец, одетый в рубашку навыпуск и пижамные брюки, заправленные в дырявые носки. Рядом, у телевизора, на простыне сидела, по-восточному скрестив ноги, голая длинная женщина. Она играла, судя по доске и расставленным на ней фигуркам, в шахматы с одним, а может быть разом и со всеми тремя сидящими напротив неё сосредоточенно думающими полураздетыми парнями...

8

Некоторое время никто из них меня не замечал. И мне надо было бы тотчас уйти, чтобы приехать завтра поутру, или вообще никогда больше сюда не приезжать. Но я отчего-то не смог этого сделать, пока был незамеченным. А когда меня увидела толстуха, уйти оказалось еще труднее. Ноги, будто во сне, когда знаешь, что надо немедленно бежать прочь –

словно бы отмерли.

Толстуха, явно меня узнав, еще больше ошарашила тем, что в моем присутствии повела себя так, как если бы была не голая, а одетая. Не отрывая от меня доброжелательного, но в то же время какого-то чрезмерно тяжелого взгляда, она сделала брезгливое выражение лица и стала вырываться из вялых длинных рук навалившегося на неё кавалера. Вырвавшись и продолжая неотрывно на меня смотреть, на неуверенных ногах бочком отошла к длинной. Отыскала вслепую пальцами её узкое костлявое плечо и, придерживаясь за него, вознамерилась сесть. Но, наклонившись, потеряла равновесие и грузно завалилась на спину, похабно вскинув вывернутые неестественно белые, как тесто, ноги.

– Чё ломаешься? – Не поднимая головы, глухим замедленным голосом спросила у неё длинная.

– Я – не... Он – сам... – Также глухо и сильно замедленно, будто магнитофон, когда он не тянет, промычала толстуха, делая попытку подняться. – Я – не... Надо – надо... Он...

– А-а – Равнодушно протянула длинная и заматерилась.

Толстуха хихикнула, как если бы закашлялась, перевернулась набок, приподнялась на сильных руках и, дернувшись, перевела туловище в вертикальное положение. Поерзав, уселась поустойчивее. Отыскала меня выпуклыми глазами, замедленно приветливо улыбнулась и, приглашая войти и сесть рядом с нею, легонько ударила ладонью по простыне. Я – не пошевелился. Тогда она изобразила на лице добро-

душное недоумение и, поморгав белесыми ресницами, стала манить меня, махая к себе руками.

9

А тут, как если бы мне это все снилось в глубоком больном сне, медленно, будто сама по себе, скрипнув, открылась входная дверь. Непроизвольно обернувшись, я увидел в черном, густо окропленном звездами, дверном проеме перебирающихся через высокий порог плачущих мальчика и девочку. Оба они были мокрыми и грязными. Мальчик – поменьше, а у девочки – будто она лежала одетой в луже – и платяице, и чулочки, и даже завитушки около лба и ушей были выпачканы жидкой глиной. Она, всхлипывая, дрожала. Мальчик дрожал тоже, но плакал негромко, а с какими-то особенными свербящими душу монотонно-тоскливыми завываниями.

Увидев меня, они изумились, позабыв о своей беде, перестали плакать и с задранными вверх головками замерли в радостном ожидании. Но я не мог обрадоваться им также скоро и непосредственно. И между нами не образовалось немедленно душевное единение, каковое было, когда они жили у нас. Не дождавшись душевного отклика, дети заскучали и тоже стали излучать ко мне отчаянное равнодушие. Вновь расплакались и прошли гуськом в комнату, обойдя меня так,

словно я для них сделался каким-нибудь столбом, или же стоящим на пути деревом.

В комнате они, не найдя матери и в нерешительности остановившись, привлекли к себе участливое внимание всех присутствующих. Обернувшись на плач, длинная и парни, игравшие с ней в шахматы, увидели и узнали меня. Грузные парни автоматически поприветствовали тяжело поднятыми руками, как если бы я приезжал к ним каждый день, и они привыкли к моим приездам. Но тут же, забыв про меня, уставились на выпачкавшихся детей с неестественно чрезмерным тяжелым состраданием. А длинная, приветствуя меня, энергично потрясла над головой сложенными в тесное рукопожатие ладонями. Но лицо у неё при этом было по-деловому сосредоточенным, серьезным, несмотря на разбитые опухшие губы и свежий темный синяк под глазом...

А мальчик топтался уже в лужице на полу, образовавшейся от стекающей с сестренки грязной воды. Он занудно причитал, рассказывая, что с ними произошло, оправдываясь и по-детски безысходно горя:

– Ползла, ползла и провалилась... Я ей говорил, говорил: не лезь, сволочь, лед еще тонкий... Не послушалась...

Надсадно внимая его завываниям, длинная замедленно искадила в страдальческой гримасе опухшее разбитое лицо. Участливо повернулась к парню, танцевавшему с толстухой, который едва стоял на ногах, держась вытянутыми руками о стену. И глухо, почти не пошевелив губами, попросила его

выключить музыку. Тот с готовностью проявить участие заметно сделал над собой волевое усилие и заторопился в угол, перебирая упирающимися в стену то напряженно дрожащими, то подламывающимися руками. У радиолы он неуверенно покачался, примериваясь попасть оттопыренным пальцем на клавишу выключателя. Но, сделав несколько неудачных попыток, выругался на родном языке матом и в сердцах выдернул из розетки штепсель за шнур.

10

В наступившей тишине усилившийся гул горячей в прихожей солярной печи стал напоминать отдаленный рев реактивного самолета. А из-за моей спины, из комнаты, дверной проем в которую был занавешен несвежим залатанным покрывалом, донесся недвусмысленный скрип ржавых кроватных пружин. Услышав его, парни все как один беспокойно зашевелились и неодобрительно посмотрели на длинную. И та, показав на лице смущение, насколько смогла торопливо сложила у рта ладони рупором и хрипло крикнула мимо меня в закрытый покрывалом проем:

– Але! Слышишь?! Дочь твоя, говорю, провалилась куда-то. Мокрая вся, дрожит... Дочь твоя, говорю, слышишь...
– Слышу, слышу, господи, как вы мне... – Донесся из-за покрывала задыхающийся и раздраженный голос. – Сейчас

я... Сейчас...

Скрип тут же перерос в оглушающий скрежет и оборвался. Но после недолгой, кажущейся нереальной тишины возобновился. А затем сразу же послышались тяжелые шлепающие по полу босые торопливые шаги. Дернулось, будто ожило, тяжелое покрывало, трепыхнулось, как если бы какая-то большая птица в тесной клетке захотела расправить крыло. И на свет из-под него вышла третья женщина. Вздохмаченная, мокрая и тоже совершенно голая. Увидев меня, она засмушалась, потупила глаза и, словно нашкодившая школьница, прошла мимо, проронив чуть слышно: «Здравствуйте» и обдав едким запахом прокисшего пота.

В комнате её занесло, она непроизвольно вскинула руки и отбежала семенящими шагами вбок. Но потом, словно на палубе, широко расставила ноги. Уверенно подошла к притихшим и не сводящим с неё затравленных глаз детям. Грубо взяла девочку за руку, оттянула в угол. Тяжело плюхнулась перед ней на колени.

– Да ты, б*** такая, и обоср***сь еще. – Глухо нервно выругалась она и, подняв глаза на мальчика, визгливо закричала. – А ты, тварь, куда, я тебе говорю, смотрел?!

Мальчик от неё отскочил, перегнулся в поясе, мелко затопал от сильного возбуждения ногами и так же истерично, как она, завизжал:

– Ползла, ползла и провалилась. Я ей говорил!...

Но мать на него внимания уже не обращала. Возмущаясь

лишь про себя, она в два-три уверенных движения сдернула с девочки всю одежду. В сердцах порыскала вокруг себя глазами. Нашла на полу кусочек ветоши. Разорвала его на две части. Одной обтерла девочку. Другой – подтерлась сама...

У меня от такого зрелища поплыло перед глазами. Во рту образовался неживой металлический привкус. Невольно и с какой-то надрывной многозначительностью я подумал, что теперь к трем голым женщинам в комнате прибавилась голая девочка... И перестав чувствовать твердую почву под ногами, стал как бы проваливаться в самого себя. А там, в самом себе, словно в забытии, застрявшая в сознании мысль о голой девочке сделалась вдруг от меня независимой. И принялась торопливо в каком-то, словно отшлифованном и вызывающем тошноту, ритме омерзительно воспроизводить самую себя.

...В нормальное сознание меня возвратила длинная. Сложив ладони рупором и жалостливыми глазами вымаливая у меня сочувствие, она замедленно прокричала мне через всю комнату:

– Да сделай ты ему, бога ради, просит же ведь тебя, пароход.

Оказывается, пока я ничего вокруг себя не видел, ко мне приблизился мальчик. Загородил собою мать и, подергивая меня одной рукою за рукав, а другой – протягивая мятый газетный лоскут, канючил, как если бы выпрашивал у меня милостыню:

– Сделай мне пароход, а... Сделай, а...Пожалуйста, сделай мне пароход... Пароход, а... Пожалуйста...

Антитезис (как не должно быть)

Сикритинавтический триптих с прологом и эпилогом

Пролог: чудное место

Мне отчетливо врезались в память его длинный, неопределенного цвета демисезонный плащ, лоснящаяся черная фетровая шляпа, обветренно потресканные до язвочек губы и неопрятно заросшее лицо. Проходя мимо огромного высушенного дерева с очищенным от коры стволом, он мне сказал, чтобы я оставил здесь велосипед. Затем провел меня через заброшенный небольшой сад с фруктовыми деревьями и похожей на такыры, потресканной, хрустящей под ногами землей – в такой же заброшенный двор с одноэтажным приземистым строением, покрытым шиферной крышей.

– Это вот и есть наше чудное место. – Хмуро сказал он, остановившись у обшарпанной и исписанной подростковыми откровениями стены. – Бросьте на крышу – что захотите бросить. К примеру – вашу меховую шапку, если, конечно, не жалко...

От его нелепого предложения у меня тоскливо защемило под ложечкой. На душе сделалось муторно и обреченно. Появилось пронзительное предчувствие, будто я сюда заманен, как в западню. В мгновение от малодушия и страха похолодела спина. И я, вместо того, чтобы возразить, что, мол, разве больше нечего бросать на крышу, сумел лишь чуть заметно пошевелить онемевшими пальцами.

– Если не можете сами, давайте брошу её я. – Искося и, как мне показалось, с сочувствием на меня посмотрев, добавил он обмякшим тихим голосом. И от чего-то тоже малодушно перетрусил. Заспешил, словно нарочно, неприязненно содрогнулся, дернув изможденной щекой. И уже ретируясь, бесстрастно и сухо покашлял в маленький волосатый, как у обезьяночки, кулачок.

Чувствуя себя вконец преданным и не ощущая в душе никакой опоры, я механически, будто робот, поднес к голове непослушную и кажущуюся чужой руку. Тяжело смахнул выкатившиеся на лоб из-под шапки из недорогого кроличьего меха липкие струйки нездорового холодного пота. Тыльной стороной кисти шершаво провел по лбу. А потом также механически снял шапку, потому что голове в ней сделалось нетерпимо душно. Он, замерев, и не спуская с шапки загоревшегося жадным зеленым огнем взгляда, вдруг бесцеремонно её из моей руки выхватил. И пока я успел что-либо сообразить, разбежавшись, зашвырнул на крышу. Шапка, неестественно медленно, словно не в воздухе, а в какой-то

иной плотной и вязкой среде, пролетев, кувыркаясь, мягко опустилась на шиферный склон. С моих глаз напрочь исчезла, словно куда-то провалилась или сделалась невидимой. А вниз вместо неё заскользила модная синяя фуражка из потертой джинсовой ткани, которую он, подскочив, поймал в руки.

– Можете тоже носить. Она – ваша. Будет вам впору. – Засмущавшись и как бы скрытно засовестившись, тихо сказал он. Неуверенно потеревбив оттопыренный козырек фуражки, трижды ударил ею о колено, чтобы отряхнуть от пыли. – Так берите же, дерите. Она настоящая. Разве что – немного поношенная, какой была шапка. А не нравится – и её бросьте на крышу. Взамен скатится что-нибудь ещё, и тоже будет вашего размера. Только, если решите бросить – бросайте не сразу. А когда я совсем уйду отсюда. Мне при этом часто присутствовать нехорошо.

Ничего не сказав и на этот раз, я тупо смотрел ему, уходящему от меня, вслед, пока он не потерялся среди засохших фруктовых деревьев. А когда остался один, неожиданно почувствовал себя гораздо увереннее. Видимо, тягостное ощущение неопределенной смертельной опасности втекало в меня из него. И теперь, оставшись без подпитки, оно, истощаясь, затухало. Перестав бояться, я облегченно коротко вздохнул. Пальцы, которыми механически, как щипчиками, держал отданную им мне фуражку, обретя чувствительность, безгласно напряглись. Передернувшись, хотел было в раз-

дражении отшвырнуть от себя этот, неизвестно кем досель ношенный и непонятно откуда взявшийся, головной убор. Однако сумел удержать себя от опрометчивости, решив по возвращению домой отдать его на анализ знакомым экспертам-криминалистам. Подавил в душе неприязнь и запихал фуражку в оттопыренный карман куртки.

Но вот также легко одолеть появившийся следом соблазн попробовать что-нибудь самому бросить на крышу не удалось. С этим желанием возникло во мне и какое-то особенное чувственно-сладкое волнение, похожее на непреодолимое подростковое влечение к постыдным занятиям. И я ему тотчас уступил. Томительно учащенно задышав и невнимательно вокруг себя оглядевшись, мягко присел на корточки перед находившейся рядом слежавшейся до окаменения кучи гравия. Неприлично опьяняясь странными ощущениями, наковырял из кучи горсть белой, похожей на виноградинки, гальки. Чувственно покачиваясь, подошел к крыше поближе. Манерным нетвердым движением замахнулся. Бросил на неё что было в руке. И – вниз, прогромыхав, полетели чуть ли не на меня белые булыжники. Попади которые мне на незащищенную голову, пришибли бы до смерти, а может быть и наповал.

Однако и теперь мне не сделалось страшно. А напротив – как бы даже прояснилось сознание. Стало понятным, что если меня и зашибет здесь или же приключится со мной что-нибудь из ряда вон выходящее – это как раз и будет тем, к

чему я изо всех душевных сил стремился. Потому как у меня уже нет и не может быть больше никакой иной возможности продолжать жить дальше, как жил, иначе, чем, если понадобится, умереть тут. Или, оставшись живым, понять, для какой цели сюда занесла меня ни с того, ни с сего судьба. От такого воинственного понимания, как у разгоряченного в бою бойца, в душе возникла помимо ухарского бесстрашия и хмельная щемящая сладость. Мне опять неодолимо, до легкой слабости в коленях, захотелось что-нибудь еще бросить на крышу.

Заторможено поискал вокруг себя глазами, но ничего, что привлекло бы мое внимание, не увидел. Заинтересованно обошел таинственное строение. И остановился у толстых ссохшихся деревянных дверей со ржавыми ручками и широкими, с большой палец, щелями. Они были приоткрыты так, что смотреть через них можно было только в левую сторону. И когда глаза привыкли к полумраку, сердце вдруг изумленно замерло. Так правдоподобно мне почудилось, будто я заглянул вовнутрь одной из кладовой моего родительского дома. Потому как здесь точно так же, как там, в глубине, было огороженное сосновыми горбылями стойло. Рядом с ним, у противоположной от меня стены был сваленный в кучу, вышедший из употребления домашний скарб. В котором, приглядевшись, я узнал прислоненное к стене основание железной кровати с провисшей сеткой и к ней две ржавые спинки с блестящими оцинкованными шариками на концах со-

бранных веером прутьев. На этой или точно такой кровати я спал в родительском доме, когда учился в старших классах. А еще раньше с благоговением забирался на неё к родителям, устраиваясь, сидя между отцом и матерью. И принимался откручивать блестящие шарики, чтобы магически пошебуршить ими, гладкими, тяжелыми и холодными в ладонях...

Тут уж меня обуяла и сладкая грусть. Будто я в самом деле томился перед дверьми в родительский дом. Будто он мне, приснившись, каким-то непостижимым образом здесь материализовался. А это тем более мне очень мило сердцу, потому как в реальной жизни его уже не было. Родительский дом вместе с другими окраинными домами снесли под основание лет восемь назад. Посадили на освободившееся место кустистую пшеницу, которая отчего-то там до сих пор так ни разу не уродилась. Захотев теперь посмотреть в правую сторону, я, поднатужившись, попробовав раскрыть двери пошире. Но не сдвинул их с места. И только тут заметил, что они от давности лет вросли в землю. Тогда, подобрав живот, сам протиснулся через них. На меня гостеприимно дыхнуло сухой прохладой и печальной затемненной неторопливостью. На душе сделалось так, будто я действительно переступил порог времени, перенесаясь лет на пятнадцать назад, в годы моей ранней юности. Здесь и в правой стороне все было так же, как в – родительском доме. У фасадной стены, накреняясь, стоял оборудованный под гнезда для кур несушек стел-

лаж, сколоченный из горбылей и фанеры. Рядом был вкопан в глиняный пол деревянный шест, похожий на телевизионную антенну. В дальнем темном углу была невысокая аккуратная куча, накрытая покрывалом и мешками из рогожи. В которую, перед тем как уехать поступать в университет, мы вместе с отцом снесли сложенные в фанерные посылочные ящики все мои школьные учебники. Так и не решившись выбрасывать их на мусорную свалку.

Сентиментально, словно и мне здесь тоже стало семнадцать лет, я походил по загаженному иссохшим куриным пометом полу. Нежно коснулся пальцами отваливающейся от стен штукатурки. Заглянул, томимый невинным любопытством, в куриные гнезда: не осталось ли в них яиц или скорлупы. Тихо постучал ногой по деревянному длинному корыту, из которого родители когда-то кормили замоченным комбикормом кур... Затем, загрузив вконец о невозвратно ушедшем для меня прошлом, мягко присел на корточки перед накрытой кучей школьных учебников. По которым учился распознавать глубинные взаимосвязи общественных и природных процессов. Осторожно, дабы не поднимать пыли, отвернул загаженный край покрывала. Вытащил наугад из первопопавшего ящика «Обществоведение». Раскрыл. Узнал сделанные на полях моим почерком пометки. И вспомнил, как воодушевленно штудировал эту книгу и как уверенно сдавал экзамены на аттестат зрелости. А затем и – вступительные экзамены в университет...

«А что если её бросить на крышу?» – Неожиданно и как-то по странному отчужденно подумалось мне. Однако сейчас же взорвавшаяся неоглядная душевная сила не дала мне времени решить это сознательно. Она едва ли не подбросила меня с места, стремительно поведя на стоящий в дверях наклонный световой столб. Протиснувшись через проем наружу, я резко зажмурился от прямых солнечных лучей. Но не остановился. А с закрытыми глазами расчетливо отошел от дверей на столько, чтобы стал виден шиферный склон. Повернувшись, решительно открыл глаза и с замахом бросил «Обществоведение» на крышу. Растрепавшаяся в полете книга, отчаянно махая заламывающимися картонками обложки, будто дряблыми крыльями, опустилась на шифер развернутой. Ссохшимися до хрупкости страницами вниз. И мигом превратилась в какой-то толстый и, похоже, тоже зачитанный до ветхости том. Испугавшись, что он рассыплется от удара о землю, я метнулся вперед, чтобы успеть поймать его в руки. И схватил-таки растопыренными пальцами за шершавую и в прошлом явно солидную обложку. А когда, суетясь из-за чрезмерного возбуждения, повернул титульной стороной вверх – остолбенел, перестав дышать от радости. В центре её золотистыми выцветшими буквами было глубоко оттиснуто: ДИКС ГОЛДЕНБЕРГ. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

Боясь поверить в невообразимую удачу, суетно перелистал ветхую книгу. Это оказался действительно Дикс Голден-

берг, учение которого я оспаривал в своей почти готовой к защите диссертации. Хотя и не прочитал ни одного его оригинального сочинения, а – только обобщал труды критиковавших его отечественных авторов. Поскольку ни в одной публичной библиотеке книг его найти мне не удалось. А к спецфондам допуска не было из-за отсутствия ученой степени. Которую я мог получить, лишь защитив диссертацию по Голденбергу. Возликовав, попробовал было сейчас же начать читать вожделенную книгу, которую чуть ли не каждую ночь видел во сне и ни разу до сего случая – наяву. Но от страшного возбуждения буквы, будто блохи, скакали перед глазами, как если бы я не стоял на твердой земле, а трясся в пригородном автобусе. Тогда, напрягая волю, решил отложить чтение на время, когда вернусь домой. И – неудержимо захотел помчаться к велосипеду, чтобы поехать немедленно. Даже запихал уже Голденберга под ремень брюк и окинул прощальным взглядом чудное строение. Но тут, замешкавшись, подумал, что такого второго случая, когда, по сути дела, можно обменять вышедшие из употребления школьные учебники на ценнейшие книги, мне, может быть, больше не представится. И мною вновь овладело наваждение. Напрочь обмякли, словно отмерли, ноги. Томительно сладко захотелось попробовать бросить на крышу еще какой-нибудь учебник.

Оглушено слушая взорвавшийся в голове гул, возвратился вовнутрь загаженного курами помещения. Давя ногами

ссохшийся куриный помет, наискосок прошел к ящикам с книгами, Вытащил на этот раз из кучи три связанных шпагатом учебника. Вынеся их наружу, забросил их по баскетбольному в прыжке двумя руками словно в корзину – на крышу. И почти сейчас поймал такую же тугую связку томов в обложках из искусственной кожи, на корешках которых были названия трудов Оллеонида, Васильева и Дунченяна! А уж таких книг у нас даже на черном рынке увидеть невозможно. Хотя авторов их знают, особенно в наших академических кругах все: от академиков до аспирантов. Старшие и титулованные относятся к ним непримиримо воинственно. Молодые и непризнанные, наоборот – боготворят их и защищают, как могут от нападков. Хотя ни те, ни другие, сдастся мне, никогда и не читали их оригинальных трудов.

И вот тут уже вместе с приливом бешеной радости, опять как в самом начале, я почувствовал и пронзительную настороженность. Опять будто что-то в глубине души почуяло для меня здесь смертельную опасность и повелело немедленно бежать отсюда. Я замельтешился, начав сильно потеть от страха. Но, не умея в обуявшей меня жадности отказаться от мысли стать обладателем уникального книжного богатства, в конце концов, решил: пусть будет – что будет. И стремглав помчался выносить наружу посылочные ящики с учебниками, а затем горячено бросать одну за другой потрепанные и годные разве что для макулатуры книги на крышу. Опустошив все до одного ящика, коротко и как бы воровато огля-

дел лежащие на земле в беспорядочной куче разноформатные тома с известными, но никем из моих знакомых ученых людей нечитанными сочинениями. Отдуваясь и стерев с лица пот, подумал: как же мне теперь все это увезти домой? И вспомнил о мешках, которыми были накрыты учебники. Заставил себя что было силы еще раз зайти вовнутрь помещения и выбрать там два наименее истлевших мешка. Чтобы не поднимать пыли, скомкал их и, брезгливо держа от лица подальше, вынес наружу. Отряхнул, не открывая глаз и воротя от пыли нос. Расстелил на земле и стал очищать от присохших комочков куриного помета, орудую сначала щепочкой, а затем, чтобы ускорить дело, ногтями.

И все же когда, торопясь, укладывал как попало книги в мешки и когда, выбиваясь из сил, волоком тащил их через весь высохший сад, душа моя начала потихоньку больно разъедаться каким-то, словно для меня инородным, агрессивным ощущением, что будто бы я – ОПОЗДАЛ. И что со мною уже что-то успело произойти ужасное. Это премуторнейшее ощущение и вовсе разбушевалось во мне, когда, измучившийся, добрался-таки до велосипеда и углядел, что оба его колеса спущены. А сам он густо покрыт странной, явно не дорожной серой пылью. Словно, пока я возился у чудного строения, на него успело опуститься пылевое облако. Однако не хотя прямо сейчас что-либо обо всем этом думать, я, дабы не терять времени, дрожащими пальцами приладил к насосу шланг и, отчаянно дыша широко раскрытым

ртом, накачал переднее колесо. А, убедившись, что оно не спускает, чуть успокоился от мысли, что камеры не проколоты. И принялся накачивать заднее. Однако муторное свербящее ощущение неотвратимой беды от этого не приуменьшилось. А, наоборот, от усилившегося мистически-малодушного страха – по спине, как улитки, потянулись вниз липкие струйки нездорового холодного пота. Ноги сделались бесчувственными, как деревянными. Но я, будто стоя не на ногах, а на ходулях и никак умея избавиться от дрожи в руках, все же сумел погрузить на велосипед мешки с книгами, привязав один к багажнику, а другой перекинутый через руль, зажав локтями.

И когда поехал, исступленно давя на педали, прочь, тоже не поимел возможности в пути сосредоточиться и взять себя в руки. Потому как мне всю дорогу навязчиво мерещилось, будто у меня под ногами притаился некто невидимый. Который методично дергает за мои донельзя напряженные нервы, чиркая, будто острой гранью булыжника по стеклу. Это – так невыносимо надсадно скрипели все трущиеся части велосипеда. Хотя перед тем, как поехать сюда, я их обильно смазал машинным маслом, и когда сюда ехал, они не скрипели. А потом тут на меня еще и обрушился невероятной силы удар, от которого все оборвалось внутри. И в душе образовалось непреходящее до сих пор состояние беспомощной неприкаянности. Приехав домой и случайно взглянув на себя в зеркало, что в прихожке, обнаружил, что за те от силы

пару часов, которые пробыл на чудном месте, я постарел минимум лет на десять. Хотя щеки за это самое время не покрылись даже щетиной. Правда, со следующего утра щетина, словно вознамерившись наверстать упущенное, начала расти так быстро. Что мне, чтобы смотреться интеллигентно, приходилось бриться по два раза в день: утром и в полдень. А если собирался куда-нибудь пойти вечером (в кино или в гости), то и после работы. Но все равно за ночь успевал зарости так, что порою смотреть на себя становилось невыносимо.

Но и это было еще половина беды. Внешность, да и возраст, признаться, меня особенно не заботили. Сушая беда оказалась в том, что я ко всему прочему оказался и раздавленным как личность. Прочитав, делая карандашом пометки и конспектируя, оригинальные труды Голденберга, я пришел в такое дремучее отчаяние, что не смог спать и до рассвета. И поднявшись, принялся сжигать по листикам вместе с черновиками всю свою почти готовую диссертацию. Потому как в ней, оказалось, оспаривал то, чего у Голденберга не было и в помине. Видимо, и наши отечественные авторы, на чьи работы я опирался, тоже его никогда не читали. А приписывали ему взгляды, которые сами и придумывали. И тем самым создали в моем представлении иного, реально не существующего Голденберга. То есть даже не суррогат его, а какую-то уродливую социально-духовную химеру. То же самое обнаружилось, когда прочитал все остальные привезенные в мешках книги. И вконец убедился, что у меня самого тоже

ничего за душой нет. Потому как получилось, что я строил в своей душе личность на фундаментах одних химер, в реальность которых верить мне уже никак не возможно. Но и перестать верить значило бы – выдернуть из-под самого себя фундамент и провалиться в пустоту. Но даже такое несчастье со мною может произойти лишь в том случае, если я как личность – реален. Пусть донельзя одурачен и умственно замордован, но все же – реален. А если же и я – плод чьего-то непорядочного вымысла? То тогда и катастрофа даже в моей душе будет не настоящей, а выдуманной. И вот этого-то я боюсь больше, чем чего-либо..Вставьте текст

Триптих: интеллигентное неприятие блокадного существования

1 посвящение в Доме С

1

Когда-то лет, наверное, двадцать назад, здесь была обыкновенная мусорная свалка. Но со временем из проржавелых городских канализационных труб сюда натекла дурно пахнущая сероводородом, бензином и аммиаком вода. И это место превратилось в болото. С высоты, говорят, оно отдаленно напоминает пунцово-коричневое лицо, густо изъеденное серыми оспинками, каковыми на самом деле являются макушки бывших мусорных куч. Из этих куч до сих пор, будто куски арматуры из бетона, торчат давно выброшенные из домашнего употребления всякие металлические вещи. Столовые ложки, кастрюли, велосипедные колеса. А также – проржавелые насквозь жестяные консервные банки и стершиеся автомобильные шины... И вот по макушкам этих незатоплен-

ных полностью зловонной водой мусорных куч мы и пробирались с моим старшим братом Олегом к заднему двору знаменитого дома С. По прямой идти нам к нему – самое многое километр. Дом С – многоэтажный красавец-исполин высится одиноко поблескивающей на солнце мраморной скалой прямо за плотными камышами, аккуратно обрамляющими со всех сторон болото. Но мы с Олегом петляли уже, наверное, целый час, прыгая с кочки на кочку немислимыми зигзагами. То почти вплотную приближаясь «к Дому, то затем опять предельно от него удаляясь.

– Эту тропу на болоте из домэсевцев знают лишь трое: директор госавтоторга; тот, кто мне её показал, имени его я тебе не назову, и я... – Увлеченно говорил мне в нашем долгом пути Олег. Он четыре года проработал в партийно-хозяйственном аппарате. И недавно ему, наконец, дали квартиру в Доме С. – Эти кочки – настоящий лабиринт. Чуть ошибешься – заблудишься. И придется тогда, чтобы отсюда выбраться, лезть в, вонючую воду, от которой невозможно быстро отмыться. А у нас, ты знаешь, если от кого хотя бы повеет болотным запахом, то он в тот же день, лишится партбилета. А вместе с ним автоматически и всех привилегий и, в первую очередь, понятное дело – проживания в доме С. Можно было бы, конечно, провести тебя и через Центральный Вход. А заодно показать, как говорится, в упор все его парадное великолепие, которое тебе и не снилось, пожалуй. Но там проверяют пропуска. Правда, для тебя и пропус-

ка не надо. Сейчас жизнь гораздо либеральнее, чем прежде. Достаточно документа, удостоверяющего, что ты мой родной по отцу и матери младший брат. Нам нынче разрешено приводить к себе в гости близких родственников. Но ты ведь, увы, пока не тот человек, родство с которым можно было бы афишировать. Вот если бы тебе удалось каким-нибудь образом пробиться в номенклатуру. То я тогда ни только провел бы тебя через парадный вход к себе в гости. Но и прописал тут на постоянное местожительство. У меня великолепные связи. А в Доме после недавней основательной чистки на удивление много пустующих шикарных квартир.

– Заманчиво, конечно, пожить в вашем Доме. – С трудом поспевая за Олегом, бодро заторопился я продолжить наш с ним разговор. Потому как мне от несвежего воздуха становилось уже неважно дурно. А слушая брата, я автоматически отвлекал внимание от неприятных запахов. И мне не надо было напрягать волю, чтобы пересиливать позывы к рвоте. – Но почему вы называетесь домэсовцами, а ваш дом – Домом С?

Думаю, потому что С – наиглавнейшая буква для нашего сознания. Все великие слова начинаются с С. К примеру, Сталин, социализм, или вот самое последнее – сикритикинавтика, обозначающее современное состояние нашего общества... Но если говорить честно, то я и сам до сих пор толком не знаю почему. – С простодушной готовностью принялся Олег пояснять мне и это. – Есть, впрочем, что-то вро-

де легенды. Будто бы Дом этот спроектирован и построен под руководством самого С. Ну, ты, думаю, догадываешься, о ком я говорю. Да, да, того самого, которого потом расстреляли, а затем – реабилитировали. Но без официально-го уведомления об этом в печати! Так что между собой мы все смело называем его Домом С. Хотя в документах он по-прежнему проходит как Экспериментально-Показательный-Дом-Коммунистического-Труда-и-Быта при Академии Общественных наук имени Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина-Берии-Урии-Онаняна. Или коротко – ЭПД КТБ при АОН им. КЭЛСБУО. Язык, признаюсь, поломаешь, пока произнесешь. А дом С – просто и даже красиво, хотя...

2

Запнувшись, Олег резко приостановился и предупреждающе поднял левую руку, давая мне понять, чтобы я остановился тоже. После чего он повернул ко мне сосредоточенное лицо с прижатым к губам пальцем. И, убедившись, что я его понял, осторожным движением ладони пригласил подойти поближе. Я, от недоумения дурашливо втянув голову в плечи и поднявшись на цыпочки, к нему подошел. Он показал пальцем на воду в пятнадцати метрах от себя. Я взгляделся, куда он показывал, но ничего особенного поначалу не увидел. Разве что только вода там бурно волновалась, разбегаясь

беспорядочными волнами. Мне подумалось, что здесь и есть место пробоины трубы, из которой натекло сюда много воды. Однако приглядевшись, вскоре рассмотрел под прозрачной коричневой водой каких-то очень странных рыб. Догадался, что воду волнуют они, сгрудившиеся тут зачем-то в тесную стаю и напряженно, как на нересте, трущиеся друг о дружку. Меня, заядлого рыболова, хорошо знающего повадки обитающих в местных водоемах рыб, это их необычное поведение заинтриговало. Я приложил ладони ко лбу козырьком, чтобы защитить глаза от слепящих, отраженных солнечных лучей. Напряг зрение и увидел, что рыбы эти не разных видов, как мне было показалось в первый момент, а – одного какого-то совершенно немыслимого вида. По крайней мере, мне таких чудищ никогда прежде видеть не приходилось. Туловища у них были длинные и темные, как у сомов, в головы – серебристые и круглые, как сазаньи.

– Это они кормятся. – Свистящим осторожным шепотом пояснил мне Олег, доставая из заднего кармана брюк нейлоновую сеточку. А из бокового кармана пиджака – толстую, в мой большой палец, шариковую авторучку в виде блестящей телескопической антенны от транзисторных приемников. – Я сейчас сооружу сачок и попробую их зачерпнуть. Они, когда у них жор – от голода как бешеные. Самих себя даже, знаешь, сожрать готовы. Ничего в этот момент не видят и не слышат. Но на всякий случай давай-ка будем вести себя осторожно.

Растянув авторучку на всю возможную длину, он споро стал нанизывать на её тонкий конец верхние ячейки сетки, изгибая его кругом. И у него действительно получился сачок. Потрясся им, проверяя на прочность и прибавляя себе уверенности, Олег, пригнувшись, стал подкрадываться к рыбам. Я также крадучись пошел за ним следом. И тут, вообще, увидел нечто невообразимое. От рыб импульсивно дергающихся и трущихся друг о дружку, оказывается, еще и отваливались куски белого мяса, напоминающие разбухшие хлебные мякиши. Эти куски, будто пробки, всплывали на поверхность, и тут же с азартным чавканьем этими омерзительными рыбами поедались. От такого немислимого видения я остолбенел. А Олег, как ни в чем не бывало пружинисто, будто кот, стремительно к ним метнулся. И, ловко зачерпнув их сачком, поднял из воды. Оказавшиеся в сачке в искусственной тесноте, рыбы отчаянно затрепыхались. И от них всех стало отпадать мясо, как оно отпадает от переваренных в ухе рыб.

Однако и все те рыбы, что остались в болоте, тоже повели себя невообразимо странно. То ли от испуга, то ли по какой-то еще причине, они мигом сплелись, будто змеи, в живой тесный комок. И напряженно забившись в нем, дружно отторгли от себя все свое мясо так. Что вспенившаяся от их бурного волнения коричневая поверхность воды, густо покрылись белыми рыхлыми кусками. Но на Олега и это не произвело впечатления. Он деловито и воодушевленно утрамбовывал пойманных рыб, резко встряхивая сетку, ко-

торую опять переделал в авоську. Затем так же увлеченно стал выбирать из плотной белой массы живые рыбы головы с трепещущимися скелетами, и выкидывать их обратно в воду. Эти голые скелеты, оказавшись на воле в воде, жадно, чуть ли с поросячьими взвизгиваниями бросались поедать плавающие на поверхности воды белые куски мяса. И на моих глазах обросли новой темно-коричневой плотью.

– Будет между прочим вполне съедобная штукенция. – Подал, наконец, голос удовлетворенный содеянным Олег. – Надо только всю эту массу подержать дней тридцать в концентрированном яблочном уксусе. Потом – с недельку отмочить в проточной водопроводной воде. Получится что-то вроде квашеной капусты. Отменный, скажу тебе, деликатес. Домэсовцы давно это дело раскусили и делают из этих рыб великолепную закуску. Мы, то есть те, кто посвящен, с удовольствием едим её. Но, понятно, делаем вид, что не знаем из чего она. Потому как для нас официально не существует ни этой затопленной свалки, ни тем более – появившейся в ней рыбы. Ну, а люди не посвященные, темные, не домэсовцы, уплетают её за милую душу, всерьез полагая, что едет истинную квашеную капусту.

3

– Ну вот, слава богу, заодно и затарились. Удачный у ме-

ня, черт возьми, все же сегодня денек. – Добавил Олег после небольшой паузы. Одной рукой он продолжал потряхивать авоську. А другой, свободной – вынул из заднего кармана брюк плотную черную повязку. И не совсем уверенно протянул её мне. – Ты уж теперь меня извини, пожалуйста, но тайна – есть тайна. Хотя в принципе, тебе-то я доверяю. Другому я завязал бы глаза сам. Да еще предварительно залепил бы их тестом или пластилином.

– Но как же, как же, тут можно... с завязанными глазами? – Оставаясь быть потрясенным, возразил я слабым и вроде как не своим голосом на его очередное нелепое предложение. А он, почувствовав мою неуверенность, воодушевленно воскликнул:

– Пусть тебя это совсем не заботит! Насчет этого можешьнисколько не беспокоиться. Гарантирую – ног в вонючей воде ты со мной не замочишь.

Тогда я по своему обыкновению добросовестно завязал себе глаза черной повязкой. И тотчас – словно погрузился в ночной мрак. А точнее – в какую-то страшную беззвездную стихию, состоящую из одних лишь омерзительных болотных запахов и внутриутробных звуков. А оттого, что перестал что-либо вокруг себя видеть, всё моё настороженное внимание невольно обратилось на эти запахи и звуки. И гадливая сероводородно-аммиачная вонь вмиг сделалась для меня непереносимой. Жадное чавканье жирующих рыб стало меня муторно оглушать. И вот тут мне сделалось по-

настоящему дурно. Ноги, задрожав, предательски обмякли. На лбу выступила обильная испарина, и меня начало судорожно рвать.

– Ничего, ничего. – Виноватым голосом негромко посоветовал мне Олег. И чтобы я ненароком не оступился в воду, крепко взял меня за ворот пиджака. – И хорошо, что с тобой так – это, ты знаешь, даже к лучшему. Без привычки заходить в дом С с черного входа и нужно с пустым желудком. А то, не дай бог начнет рвать где-нибудь на лестничной площадке или в коридоре. Если кто-нибудь это увидит, то подумает, что ты – из обслуживающего персонала. И на меня донесет, что я якшаюсь с прислугой. Так что – не сдерживайся, пусть лучше сейчас продерет тебя, как от рвотного камня. Все рано или поздно проходят через это...

А от таких его вроде бы успокаивающих слов меня замутило еще сильнее. Но вскоре мне стало нечем рвать. Даже слезь больше не выходила из желудка. Хотя позывы к рвоте ничуть не ослабли и не сделались реже. Обливаясь потом с головы до ног, я продолжал долго и вхолостую звучно содрогаться, складываясь пополам как перочинный ножик. И когда пронзительно ощутил, что конца таким содроганием не будет, с огромным волевым напряжением заставил-таки взять себя в руки. Распрямился и, вытирая рукавом рот от слизи и пены, хриплым и отчаявшимся голосом закричал Олегу, чтобы он немедленно вывел меня отсюда, иначе я здесь умру.

– Да, да, конечно, понимаю, понимаю. Сам когда-то был в подобном положении. – Всерьез за меня испугавшись, засуетился Олег. – Только, ради бога, умоляю, не сдергивай с глаз черную повязку. Потерпи, родной. Идти-то нам осталось – кот заплакал. Возьмись же пока за хлястик моего пиджака и старайся идти за мной нога в ногу. Главное – прыгать-то нам больше не придется. Воздух сейчас значительно посвежеет.

И действительно, не прошли мы и пяти шагов как откуда ни возьмись образовалось в затхлом стоячем воздухе робкое дуновение. Но и такого дуновения оказалось достаточно, чтобы обильный теплый пот на лице и шее, напоминающий густую слизь, которой меня рвало, сейчас же начал испаряться. Приятно охладил кожу и сотворил недолгое ощущение утренней прохлады после мучительной духоты южной июльской ночи. Однако когда пот высох, мне опять сделалось невыносимо душно. Правда, мы к этому времени успели войти в камыши. И в них почти не ощущался назойливый сероводородно-аммиачный запах. Потому как его заглушил иной, более переносимый – запах гниющей растительности и прелой тины. Тем не менее в камышах я снова обильно вспотел и меня опять стало подташнивать. Не почувствовал я облегчения и когда мы вышли, наконец, на сухую ровную землю. Где твердые, похожие на жестяные, камышовые листья перестали меня царапать. И где даже пахнуть стало совсем по-городскому: как около уличных мусорных ящиков и на задних дворах кафе и столовых – пищевыми отходами и

прогорклым дымом.

– Все, пришли, можешь снимать повязку. – Отдуваясь, сказал мне Олег. – Ты – на территории заднего двора Дома С.

4

Рывком сорвав с глаз черную повязку, я долго жмурился от полуденных солнечных лучей и прямого жгучего света горящих и днем мощных прожекторов, установленных на крыше Дома С. А когда вновь обрел способность видеть и огляделся вокруг, снова, как только что на болоте, оторопел так, что ноги мои онемели и сделались тяжелыми, будто чугунными. Передо мной в нескольких шагах, прячась за редкими камышинками, совершенно голый, прилично причесанный и гладковыбритый мужчина лет сорока, энергично занимался рукоблудием. Распаляя себя, он поглядывал за лежащими на пляжном, сильно замусоренном песке тремя женщинами среднего возраста. Они тоже были совершенно голыми, разве что на них были солнцезащитные очки с большими в пол-лица зеркальными стеклами. Увидев нас, голый мужчина не приостановил свое постыдное занятие. А напротив, улыбнулся нам как своим хорошим знакомым и приветливо кивнул головой. Но затем, заторопившись, визгливо часто задышал и сладострастно закатил глаза. А вот лежащие

в одинаковых позах (на боку и подпершись локтями) голые женщины нас поначалу не замечали. Все их внимание было сосредоточено на прячущемся за камышами голом мужчине. Однако, когда мы с Олегом, идя по песку к Дому С, им этого мужчину невольно загородили, они увидели нас. Оживились, легонько приподнялись. И, приглашая к себе, каждая недвусмысленно похлопала себя ладонью по аккуратно постриженному лобку. Тут уже я, несмотря на то, что минуту назад меня выворачивало наизнанку, покраснел, как подросток. Еще никакая женщина не предлагала мне себя так обыкновенно и бесхитростно. И если бы Олег не толкнул меня в спину, то я, не в силах сам оторвать свой ошарашенный взгляд от этих бесстыдных женщин, вконец остолбенел и приостановился. Тогда как сам Олег отреагировал на их призыв просто и легко. Он добродушно рассмеялся и, разведя руками, крикнул им, что у него сейчас, к сожалению, нет ни минуты времени на амурные дела.

– Все эти женщины в принципе, нормальные и хорошие люди. Я их всех знаю по работе. Они – незамужние, но хотят иметь детей и надеются забеременеть. – Шепотом пояснил мне Олег, когда женщины повздыхав, возвратили свое внимание к занимающему рукоблудием голому мужчине. – Но кто сейчас из домэсевцев согласится оплодотворить постороннюю ему женщину? Ежели он женат, то жена сама высасывает из него все подчистую, грозя за невыполнение супружеского долга серьезным партийным взысканием. А ежели

каким-то чудом он до сих пор остался холостяком, то – боится их, особенно одиноких, как чумы. Ну а когда самому приспичит, то это лучше всего сделать вот так, как этот – за углом или в камышах. То есть – вроде как помочился: и себе не в тягость, и ни с какой женщиной ни в какие обязательства вступать не надо. Хотя, правда, на этого, что мы видели в камышах, одинокие женщины еще и молятся. Он никогда от них не прячется, дает им возбудиться по-настоящему. Да и сперму свою никогда в землю не втаптывает, как другие. И потому как только он уйдет, все эти трое бросятся собирать его сперму пипетками. И пока она жизнеспособная, впрыснут каждая самой себе... Так, помнится, в позапрошлом году одной моей хорошей знакомой и посчастливилось от него забеременеть и родить. Теперь у неё в Доме шикарная квартира с тремя балконами, и полное гособеспечение по достижении её дочки семи лет. А ежели она еще сумет к этому времени занять блат с регистратором, то семилетний срок можно будет растянуть еще на два года. Правда, тогда по документам будет считаться, что ее дочка – на два года моложе...

Говоря это, Олег подвел меня к узкой потрескавшейся двери. Похожей скорее на дверь в чулан или курятник, но никак – не на дверь (пусть даже черного хода) в комфортабельный ультрасовременный дом. Протяжно проскрипев ржавыми петлями, он галантно пропустил меня вперед. Велел без задержек подниматься по крутым бетонным ступеням. Но

едва я зашел в затхлый сухой полумрак, как ошеломленно остолбенел снова, увидев перед собой на бетонном полу около раскуроченного лифта лежащую, прислонившись к стене, лохматую и на вид страшно потасканную женщину лет тридцати пяти. Судя по её закрытым глазам и бесформенным, похожим на мычание, звукам, которые она издавала пухлыми чавкающими, как во сне, губами, она была мертвецки пьяна. Задранная выше колен грязная выцветшая сатиновая юбка являла всяким посторонним глазам рыхлые белые ляжки. А распахнутая полностью легкая ситцевая кофточка – скатившуюся к подмышке и свисающую до пола большую белую грудь. Другую, такую же гигантскую и бесформенную её грудь увлеченно теребил ладонями и с жадным урчанием сосал прячущийся за женщиной сидящий на четвереньках голый мальчик лет одиннадцати. Увидев меня и Олега, он изумленно раскрыл рот, выронив из большого рта длинный, чуть ли не в мой указательный палец, изжеванный сок. Затем, словно звереныш, настороженно оскалился, обнажив гнилые поломанные зубы. Злобно зарычал, приткнувшись на четвереньках перепрыгнул через беспокорно заворочавшуюся женщину и бросился ко мне с угрожающим захлебывающимся лаем. Вполне возможно, что он и покусал меня, если бы Олег не сумел изловчиться и сбоку сильно пнуть его носком ботинка в живот. Мальчик, истерично завизжав, бросился от нас к делающей попытки подняться женщине и, спрятав лицо в её юбку, протяжно навзрыд заплакал. Олег, поль-

зуюсь моментом, торопливо молча толкнул меня в бок, давая понять, чтобы я немедленно поднимался по узкой бетонной лестнице.

– Хорошо, что ещё плакать может по-человечески. – Сказал Олег, пойдя за мной следом и нервно посмеиваясь. – А ведь говорили же ей, все говорили: ты от кого родить вздумала?! А она в апломб: да хоть от кого угодно, лишь бы, в конце концов – родить. И вот, пожалуйста: родила. И сама теперь от горя не просыхает, и запасной тайный лифт, к которому приставлена – вконец раскурочен. Её сыночек еще трехлеткой добрался до пульта управления и всю изоляцию с проводов и обшивку со стен прогрыз и поел, и как только его током не убило тогда...

Я же, как оглушенный слушал его рассеянно. В голове у меня как-то ненормально гудело. От этого гула и сильной слабости было такое состояние, словно я отравился каким-то наркотическим препаратом. Или как-то странно заболел, и теперь у меня жуткий бред. Именно так, как нечто ирреальное, то есть существующее только в моем нездоровом сознании я воспринимал теперь попадающихся мне на глаза в узком длинном коридоре лохматых небритых мужчин в оранжевых униформенных куртках. Через которых нам с Олегом надо было перешагивать. Потому как они бесчувственными трупами лежали почему-то поперек нашего пути, и обойти их было никак нельзя. Все они, казалось, валялись тут со времен оно и никому были не нужны. Лишь над одним хло-

потала измученная молодая женщина. Сидя около его лица на корточках со спущенными до колен рейтузами, она покачивалась (тоже, наверное, была сильно пьяна) и норовила помочиться ему прямо на глаза или в крайнем случае на лоб. Потому как иначе, – пояснял мне походу Олег, – ничего из этих спившихся мужчин привести в чувство уже никак невозможно.

– Это еще что. – Охотно продолжал пояснять мне увиденное он. – Ты бы побыл тут в день получки! Вырождение, скажу тебе, идет у нас бешеными темпами. Особенно обслуживающего персонала. Их нам хватает самое многое на полтора года... Но тебе лично этого бояться не надо. Нас, я имею в виду тебя и меня, оно захватить не успеет. Отцовские гены у нас – на зависть крепкие. Так что доживем мы, думаю, и до старости лет. И умрем по-людски. И бог даст, нашим женам мочиться нам на глаза не придется. Жаль только детей. Им, похоже, увы, отцовские гены уже не помогают. Правда, у меня на этот счет есть кое-какая задумка. Поэтому на свой страх и риск и веду я тебя в Дом-С.

5

Потеряв способность себя контролировать, я невольно представил нелепую яркую картину. Как мне в глаза мочится моя жена Вера, сидя передо мной на корточках. От этой

дикой картины меня снова муторно затошнило. И с неудержимым рыкающим непотребным урчанием стало выворачивать наизнанку. Олег, до смерти перепугавшись моими новыми рвотными звуками, в три больших прыжка подскочил ко мне. Резко прижал меня своей грудью к стене, будто заслоняя от нежелательных свидетелей. Хотя в длинном коридоре сейчас не было ни одного человека. И, взъерошившись, жарко зашипел мне на ухо, чтобы я немедленно взял себя в руки. Но, поняв, что я не могу никак справиться с рвотными позывами, от страха совсем потерял самообладание. Округлил глаза. Отчаянно засуетившись, торопливо повесил себе на шею авоську с почерневшей на воздухе рыбой. И уже двумя освободившимися руками, поднатужившись, сдвинул с места находящийся рядом тяжеленный фанерный шкаф. Который, оказалось, заслонял большую, с метр в диаметре, темную дыру в стене, похожую одновременно на мусоропроводную трубу и запасной лаз в бомбоубежище. Ничего мне не пояснив, он едва ли ни взащей затолкал согнутого меня в эту дыру. И сейчас же задвинул шкаф на прежнее место, заслонив им обратный ход и какой-либо свет.

– Ползи по этой трубе. – Только удосужился прошептать он, забравшись в шкаф. Правда, в устыдившемся его голосе мне слышалось-таки сочувствие. – Ползи, я тебе говорю, и ничего не бойся. Ты еще окажешься на кухне раньше меня.

Я же вместо ответа судорожно согнулся, звучно промычав что-то гортанно-утробное. Мученически отчаянно замо-

тал головой, чтобы не расплакаться, как ребенок, от обиды и невыносимого дискомфорта. В сердцах уже пожалел о том, что позволил Олегу соблазнить себя пойти вместе с ним в Дом С с черного хода. А когда меня охватило вдруг и бешенство, захотел что было силы застучать кулаками по задней стенке шкафа, чтобы быть услышанным и освобожденным хотя бы теми пьяными людьми в оранжевых униформенных куртках. Но сумел-таки и сейчас укротить себя, подумав, что я, сделав так, непременно подставлю под удар Олега за то, что он привел в Дом меня, своего брата, не поставив в известность контролирующие органы. А так поступить по отношению к старшему брату было бы для меня в высшей степени непорядочно. Поэтому пришлось мне смириться. Встать на четвереньки и грустным осликом, свесившим тяжелую голову, поползти вглубь темной дыры, больно сбивая колени и ладони о шершавую бетонную округлость. Однако ползти на мое удивление пришлось недолго. Минут через десять впереди, в семи-восьми метрах от меня, вдруг со специфическим чугунным лязгом что-то отворилось. И на ярком свете в проеме трубы возникла будто обрамленная ореолом или одетая в прозрачный скафандр голова моего младшего брата Сени, которого я не видел лет, наверное, пятнадцать. Он когда достиг совершеннолетия, добровольно завербовался в тайные осведомители. С того времени никто из наших близких о нем ничего не слышал. И мы даже стали было втайне подумывать, что он где-то погиб. Поэтому,

увидев его, я насторожился, подумав, что это у меня – галлюцинация.

– Аркадий, брат! Да ты ли родной?! – Разглядев меня в темноте, закричала поразительно похожим на Сенин, да еще и как бы возмужавшим голосом странная галлюцинация. И протянула мне навстречу в трубу длинные узловатые, покрытые густыми рыжими волосами руки.

– Да. – Неопределенно ответил я, замерев на всякий случай на месте. И в свою очередь неуверенно спросил. – А ты-то сам тут откуда взялся?

– Так, ты что: ничего не знаешь?! Олег ничего тебе не говорил по пути?! – Опять громко загредел у меня в трубе воодушевленно-восторженный Сенин Голос. – У нас страшная беда, Аркадий! А ты думаешь, почему мы все так спешно собрались на квартире у Олега!

– Беда? Какая беда? – Забеспокоился я и почему-то сразу подумал о родителях, которых, к моему стыду, давно не навещал. И сразу же окончательно поверил, что передо мной действительно мой настоящий брат Сеня. – Так что же, что же произошло? Что-нибудь серьезное, очень серьезное, да?

– Да ты вылезай, вылезай, побыстрее. – Нетерпеливо перебил меня Сеня и глаза его по-охотничьи прицельно сощурились. Коротко, но остро сверкнули странным жутковато-жадным восхищением. Однако я этому его взгляду особенного значения не придал. Потому как Сеня и в отрочестве имел привычку смотреть на людей как бы через прицел

охотничьего ружья или даже – снайперской винтовки с оптическим прицелом. А по-настоящему насторожился лишь, когда вылез из трубы в просторную светлую комнату, похожую одновременно на приемную залу и гигантскую кухню. И Сеня по русскому обычаю, приветствуя меня, обнял и трижды, как ненормальный, страстно, едва ли не взасос, поцеловал в губы. А когда я, ошарашенный проявлением его неистойвой братской любви, заторопился спросить, что же все-таки произошло, он с готовностью ответил. И этим ответом будто стал бить меня кувалдой по голове, подробно рассказывая, что наш отец в последнее время стал до смерти залюбливать нашу мать. Да еще вместо слова «залюбливать» буднично употреблял слово нецензурно-бранное. Которое по отношению к родной матери немислимо употреблять даже в уме. Потому как тогда мне надобно её представлять в воображении уже не как свою мать, а как – чужую грязную женщину. Чего я себе ни при каких обстоятельствах позволить не мог. Однако Сеня, явственно видя, как ошеломили меня его слова, вместо того чтобы заспешить поправиться, снова по охотничьему сощурил глаза. И на этот раз подробно и долго изучающее водил по мне своим ставшим вдруг тяжелым, как у змеи, пронзительным взглядом, в котором только что обильно вспыхивали сполохи искренней радости от встречи со мной. И отстраненно холодно пошевелил узкими побледневшими губами.

– Ну, если ты не веришь мне, родному брату, тогда пого-

вори с матерью сам. Она тебе все расскажет...

Я же и после первого его словесного удара потерял самообладание и способность психически защищаться. А тут и вовсе пошел у него на поводу и ярко представил себе разговор с матерью о её сексуальных проблемах. Это представление оказалось мне не под силу. Я от него, как от резкого неожиданного удара, сразу погрузился, будто в глубокий нокдаун или сон. И в таком грёзовом состоянии вдруг отчетливо и подробно увидел как бы со стороны свое душевное тело, которое от непомерного потрясения стало медленно распадаться на белые рыхлые куски, напоминающие те, что отваливались от омерзительных болотных рыб. Которых Олег наловил на болоте для закуски. Также подробно и красочно увидел я и душевное тело Сени, а точнее – лишь его остов. Потому как самого тела не было. Только на месте головы в темной пустоте, как в невесомости, шевелились воспаленные, будто от хронического недосыпания, большие, горящие тусклым красным огнем глаза, жадно наблюдавшие за отваливающимися от меня душевными кусками. Это жуткое видение длилось недолго. Когда я пришел в себя, увидел перед собой нормального Сению, то ошарашено замотал головой, чтобы побыстрее отряхнуться от стоящей в памяти зловещей картины. И запинаясь, торопливо спросил:

– А что, ма-ать, м-ать на-аша то-же здесь?

– Здесь, здесь, сынок. Где же мне, мой родной, еще быть? Я ваша мать; вы мои дети: где вы – там и я. – Раздался вдруг сзади меня голос моей матери. И едва я собрался с силами, чтобы на него обернуться, как мать порывисто обняла меня со спины, положила мне на плечо свою голову и горько заплакала. – Я все время стояла тут, за портьерой, и все слышала. Сеня прав, прав, прав: у нас действительно большая беда. Отец, живя со мною, часами не может кончить, замучивает меня всякий раз до потери сознания; у меня там, сынок, кровавые мозоли повыступали...

От такого её откровенного признания я снова потрясся до шокового состояния. Мне опять болезненно увиделось мое душевное тело. Рыхлые бесформенные куски его кружились теперь вокруг какого-то судорожно сжавшегося от ужаса тёмного газового пятна, словно осколки взорвавшейся планеты. А тут еще я очень ясно почувствовал, что в это темное пятно как-то крадучись и воровато втекло сморщенное материнское душевное тело. И у меня сразу же в том месте шеи, где мать, плача, терлась мокрыми глазами и носом, неожиданно к моему невообразимому стыду образовалось противоестественный чувственно-сладостный очаг возбуждения. От которого судорожными толчками, как волна-

ми побежали по мне сладострастные мурашки. Все мое естество, словно спичка, загорелось томительным половым влечением. И я понять не успел толком, что это со мной произошло – как несдержанно и явно по слабоумному захихикал и сладострастно до звона плотских мышц потянулся. И готов был уже ухарски, а на самом деле – безвольно отпустить себя в пучину подступившей к горлу сладкой истомы. И воспринимать впредь всё, что бы со мной ни случилось – как само собой разумеющееся и обыкновенное. Но тут на мое несказанное счастье на кухню, запыхавшись, вбежала моя племянница Семирезида. Девятилетняя дочурка Олега и Алевтины, которая тотчас подняла на меня указательный пальчик и, капризно топнув ножкой, безапелляционно заявила:

– Так знайте же, вы, я давно мечтала выйти за него замуж. И теперь, когда он здесь, выйду немедленно. А бабульку, если она еще хоть раз его на моих глазах обнимет, прибью до смерти или отравлю синильной кислотой.

У меня от этого, исходящего из детских уст, немислимого заявления, перехватило дыхание. Да и мать, услышав угрозу внучки, меня отпустила и, опасливо попятившись, спряталась за портьеру. Я остался стоять перед Семиризадой один, ошеломленно моргая. И тоже собрался было куда-нибудь спрятаться от возбужденно агрессивной племянницы. Но, тряхнув головой, опомнился, что передо мной – ребенок. И осторожно доброжелательно улыбнулся. На что Семиризада тоже разулыбалась и обмякла. А тут появились на кух-

не Олег и Алевтина. Из-за спины дочери они показали мне жестами, чтобы я воспринимал Семиризадино заявление не больше, чем детскую игру. И поддержал её в этой игре. А они оба меня по возможности подстрахуют. Убедившись, что я вполне понял их родительское пожелание, Алевтина сделала нарочито высокомерно-презрительное выражение лица и ядовито заметила дочери:

– Как же ты, моя дорогая, за него выйдешь-то, если он твой родной дядя, да еще и женат?

– То, что он родной дядя – наплевать. Он – единственный из вас живой душевный человек. И, конечно же, есть риск, что у нас народятся уроды по причине близкого родства. Но точно есть шанс, что у нас могут родиться и нормальные дети. А ежели я родила бы от кого-нибудь такого, как вы, то уроды народились точно. Как у тети Зины, вахтерши лифта на черном входе. – Категоричным тоном отпарировала выпад матери Семиризада и вновь капризно топнула тонкой ножкой. – А ежели пока мне нельзя выйти за него замуж законно, то прямо сейчас я делаюсь его, любовницей. А тетю Веру, его, так сказать, законную жену, а заодно и бабульку накормлю на День Конституции синильной кислотой.

– Господи, да откуда тебе в твои годы-то знать, что такое быть любовницей? – Равнодушным голосом вздохнула Алевтина. И отвернувшись к зеркалу, стала снимать с засаленных до неприличия волос бигуди. Её бывший когда-то шикарным, а теперь такой же, как волосы, засаленный шелко-

вый японский халат, вдруг каким-то непостижимым образом сделался прозрачными, явив всем короткое растолстевшее и абсолютно, голое тело. А затем и вовсе превратился в несвежую гипюровую ночную рубашку.

– Ой-ей-ей-ей, – Подвергла язвительному, сарказму материнскую публичную манипуляцию с халатом Семиризада. – Подумаешь, каким великим женским оружием мы владеем. Зато я и без всяких ваших там импортных штучек умею любить по-настоящему: верно и преданно. Между прочем, у меня еще в пять лет была возможность лишиться девственности. Но я уже тогда любила дядю Аркадия и решила сохранить свою девичью честь для него... – Добавила она и, повернувшись решительно ко мне, сменила жесткую интонацию голоса на интимно приветливую. – Пойдемте побыстрее в мою комнату, дядя Аркадий. Уверяю вас, вы убедитесь, что я ничуть не преувеличиваю. Несмотря на девственность, я знаю абсолютно все сексуальные игры всех времен и народов, когда-либо существовавших на свете...

Помня, что мне показали знаками Олег и Алевтина, я позволил Семиризаде взять себя за руку. Но с места поначалу так и не сдвинулся. И лишь когда увидел, что Олег отчаянно показывает мне, чтобы я не противился, пошел, куда меня за руку повела Семиризада. В пути она весело щебетала, что я – живее всех живущих в Доме С мужчин и женщин. И что она только потому и сумела до сих пор остаться живой, и соответственно – сохранить при себе свою душу, что влюбилась в

меня до смерти. И только обо мне мечтала, живя в этом проклятом, убивающим всяческую жизнь Доме С. А постоянно помня обо мне, она во всех своих жизненных проявлениях старалась быть на меня похожей... Приведя меня к себе, Семиризада остановилась около просторной, чуть ли не королевской кровати. Порывисто прижала к своим губам мою кисть и жарко попросила меня раздеваться. Я, помня о наказе Олега, медленно снял пиджак и развязал галстук. А она за это время успела полностью раздеться, и уже спуская трусики, наклонилась, чтобы вынуть из них бледные тонкие ножки. И вот тут к ней стремительно подскочил, оттолкнув меня, Олег и резко прижал к её худенькому тельцу два оголенных конца электрического провода. Под воздействием разряда электрического тока Семиризада судорожно распрямилась, выгнулась в спине и затряслась с закатившимися под лоб зрачками, перестав что-либо видеть и понимать. Из её плотно сжавшихся посиневших губ белыми пузырями стала короткими напористыми толчками выбиваться пена. Не отрывая от дочери проводов, Олег осторожно и медленно повел её из комнаты прочь. Медленно потому, что ее коричневые, в желтый горошек, спущенные до щиколоток детские трусики, не позволяли ей делать широких шагов, и были похожими на кандалы.

Нервно посмеиваясь и отдуваясь, я кое-как завязал дрожащими руками галстук и, накинув на плечи пиджак, пошел на кухню. Хмуро думая в дороге, что здесь в Доме С что-то не так. И когда пришел, мать, мило беседующая с Сеней и Алевтиной, увидев меня задумавшимся, отчего-то насто-рожилась. Сосредоточенно замолчала. И пока я, подходя к ней, озабоченно думал над происходящим в Доме, она, не отрывая от меня глаз, нервно повела желваками. Быстро сделала на лице страдальческое выражение. Приподнялась на цыпочки и крадучись пошла ко мне навстречу. Но как-то не прямо, а – полукругом, чтобы, возможно, опять зайти мне за спину. Это её несуразное, но явно оттренированное поведение подействовало на меня гипнотически. Я в растерянности остановился. И к пущему ужасу почувствовал, как супротив моей воли предательски тяжелеет тело, и что я – совершенно перестаю контролировать свою внутреннюю жизнь.

И когда мать, обойдя-таки осторожным изгибом полкух-ни, зашла мне за спину, у меня вновь выступили на шею сладострастные мурашки... Но вдруг совершенно неожида-нно за моей спиной что-то громко лязгнуло. Я испуганно вздрогнул. Резко повернулся на неожиданный шум. И уви-дел вздыбленный ковер. Под ним – какой-то, открывшийся

потайной люк. А из него на специальной металлической треноге поднялся над кухонным полом тяжелый станковый пулемет. Следом за пулеметом из люка возвысилась стриженная под панка голова пятилетнего сынишки Олега и Алевтины – Гамлетика. Который, не поздоровавшись ни с кем, отвел со зловещим лязганьем ручку затвора назад и, задрав дуло пулемета вверх, стал прицеливаться мне в переносицу. Я беззаботно подумал, что это тоже какая-то детская домэсовская игра. И дурашливо, как бы сдаваясь в плен, поднял руки.

– Ишь, какой хитрый. – Саркастически сказал мне розовощекий как херувим Гамлетик. – В плен мы давно никого не берем. А – расстреливаем на месте. – И пока он это проговаривал, Алевтина, побледневшая вмиг, как мел, вскричала дурным голосом самурайское: «Кья!» И черной молнией бросившись к сыну, босой ногой резко ударила снизу вверх по тяжелому пулеметному стволу. Короткая, но мощная пулеметная очередь прошла по бетонному потолку, обдав нас, как дождем, колючей мелкой щебенкой.

– Вот так и не успеваешь убирать в квартире. – Измученно улыбнулась она мне, когда я оправился от шока. И тут же, склонившись над люком, словно над прорубью, ловко запустила вниз полную белую руку. Вытащила за ворот наружу истерично рыдающего Гамлетика.

– Так, у него что: пулемет и патроны настоящие?! – Запоздало холодея от ужаса, едва смог из себя выдавить я.

– А я то и не поняла сначала, что это ты под его дулом легкомысленно руки задрал вверх. – Раздраженно ответила мне Алевтина, борясь с оглашено визжащим Гамлетиком. – У детей домэсовцев всё настоящее: и игры, и игрушки... У него и гаубица настоящая есть, и к ней – два действующих атомных снаряда...

Тут Тамлетик каким-то образом вывернулся из ее руки. И в отместку злобно вцепился зубами в манерно оттопыренный мизинец матери. Да видимо так больно его укусил, что Алевтина дурным голосом взвизгнула. Резким произвольным движением подняла сына, висящего на её пальце, вверх. Коротко пнула коленом ему в солнечное сплетение. Отчего он, обмякнув, бездыханно плюхнулся на пол. Алевтина же, потанцевав на месте и отчаянно дую на укушенный до крови палец, пришла в себя. И, бесцеремонно схватив лежащего на полу в бессознательном состоянии сына, нервно поволокла его прочь из кухни. А я, когда опомнился и после этой дикой картины, обнаружил, что нахожусь (и уже, видимо, давно) в объятиях свой матери. Но, то ли от пережитого потрясения, то ли от подспудно созревших подозрений, что все это происходящее сейчас со мной – нереально (потому как такое реальным быть никак не может), мне на этот раз совсем не понравилось, что мать обнимает меня со спины. И я, повинувшись своему естественному желанию, захотел повернуться к ней лицом. Но когда напрягся, чтобы мягко разжать ее руки, сделать этого не смог. Она держала меня так крепко,

что мне, дабы освободиться, надобно было напрячься гораздо сильнее, чем я мог позволить себе применить силу супротив родной матери. Однако когда мать снова, теряясь о мою шею, стала плакать и жаловаться на отца, я ей довольно сухо ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.